

Кострюк (9)

В годы-ти были прежние,
В времена-ти были досельные.
При нашем при свети цари
при Иване Васильевици.
Да он здумал жонитисе
Во земли во неверное
На Марьи Темрюковны.
У ей было много провожатых-то:
Дваста татаровей,
Полтора ста улановей,
Полтретья ста церквасыновей.
Они все сидят у царя на пиру;
Они сидя[т], пиво-то с мёдом пьют,
Хлеб с солью едят,
Таки ясвы кушают,
Лиха не думают
На нашего света царя
На Ивана Васильевиця.
Один большой шуриин царев
Кострюк-Темрюк Темрюкович
Он пива-та с мёдом не пьёт,
Хлеба-та с солью не ест,
Зелена вина в рот не берёт,
Таки ясвы не кушаёт, —
Да не лихо ле думаёт
На нашего света царя
На Ивана Васильевиця?..
Увидал его стольник царев
Микита Романовиць.
Он скоро допрашивал большого шурина
Кострюка-Темрюка Темрюковиця:
«Уш ты ой еси, большой шуриин царев
Кострюк-Темрюк Темрюковиц!
Уш ты што же пива с мёдом не пьёш,
Хлеба-та с солью не еш,

Зелена вина в рот не берёш,
Таки ясвы не кушаёш?
Да не лихо ле думаёш
На нашего света царя
На Ивана Васильевиця?...»
Спроговорит большой шурин царев
Кострюк-Темрюк Темрюковиць:
«Хош я пива-та с мёдом не пью,
хлеба-та с солью не ем,
Зелена вина в рот не беру,
Таки ясвы не кушаю, —
Да я лиха не думаю
Да на вашего света царя
На Ивана Васильевиця!
Ище столько я думаю:
Я триьцеть городов перешол,
Я триьцеть борцей поборол, —
не мог силки отведати.
Ес[ть] ли у вас в каменной Москвы
Таковы борьци —
С Кострюком поборотисе,
с Темрюком поотведати
Да и силки отведати?1»
В та́ пора стольник царев
Да Микита Романовиць
Выходил он на те сени новые,
на те сени царьские,
На те государевые,
На то крыльце красное,
на то государевоё.
Скрыцал как он во всю буйну голову —
Щобы цють по всей каменной Москвы.
Из нижнёго коньця,
из крайнёго дворьця
Щобы было два борьця,
были дети Ондреевые
Да Ондreja-та Павженина:
Васька-то Маленькой
да Потанька Хроменькой

О костыль потпирайтесь,
ко двору подвигаайтеся.
В та пора стольник царев
Да Микита Романовиц
Наливает он чашу зелена вина
(Не велика, не мала чаша, — полтора ведра),
Подавает-то Васьки Маленькому
да Потаньки Хроминькому.
Принимается Васютка единой рукой,
выпивает Васютка за единой мах:
«Ну дайте же мне нынче борьця на руку!»
В та пора стольник царев
Да Микита Романович
Да он скоро докладывал
Да большому шурина
Кострюку-Темрюку Темрюковицю:
«Уш ты ой еси, большой шурин царев
Кострюк-Темрюк Темрюкович!
У нас у царя хлеб на столи / и борьци на двори!»
Он как стал да скоцил через золот стол,
Через ясвы сахарные,
Через скамейку дубовую;
Задел ногой правою, —
Дваста тотар подломил,
Полтора ста улановей,
Полтретья ста церква сыновей.
Они все как посыпались,
Да все повалилисе,
Все пошли борьбы смотреть,
Все пошли молодецкое.
Они дол[г]о сходилисе
Да и плотно сымалисе.
Васька-то Маленькой
Да Потанька Хроменькой
На ношку справилса,
За рубашку зграбилса, —
Был Кострюк на ногах,
Да поставили на голову!
Его стыд-от взял:

Он стыд-от в горсть захватил,
А в дыру-ту перстом ткнул;
Под новые сени побежал,
Под те сени новые
И под те сени царские
И под те государевые —
Под то кр[ыл]ьцё красное,
Под то крыльцё царское,
Под то государевой.
Спроговорит Марья Темрюковна:
«Уш ты ой еси, царь-государь,
царь Иван Васильевич!
Нашто было рубашка здеть;
Да нашто было нага спустить;
Да и нашто было безчестити;
Да под новые сени бежать,
Под те сени царские,
Под те государевые —
Под то крыльцё красное,
Под то государевой?..»
Спроговорит царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Уш ты ой еси, Марья Темрюковна!
В Москвы так и водиться,
Кто с кем бороться:
Рубашка здеть да нага спустить
Да под новые сени бежать,
Да под те сени новые,
Под те сени царские,
Под те государевые —
Под то крыльцё красное,
Под то государевой!..»

(Записана А. Д. Григорьевым от крест. И. М. Ломтева в д. Карпова гора в Пинежском крае. См. «Арх. был. и истор. песни», т. I, № 156, стр. 474-478)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.

1 Этот стих почти сказан, а не пропет (Григ.)